

Уругвай в годы Первой мировой войны Uruguay during the First World War

Иванов Николай Серафимович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Ivanov Nikolay

PhD in Historical sciences, senior researcher of the Institute of
World History of the Russian Academy of sciences

e-mail: nik3334@yandex.ru,

Scopus ID: 57224398966;

ORCID: 0000-0001-5040-540X

Аннотация: В историографии Первой мировой войны и участия в ней латиноамериканских стран Уругвай занимает не самое видное место по сравнению с Аргентиной, Бразилией и Чили. Тем не менее большой интерес представляют анализируемые в статье проблемы перехода от нейтралитета к вступлению в конфликт на стороне Антанты; коллизий между «союзофилами», «германофилами и сторонниками нейтралитета в двух главных политических партиях страны «Колорадо» и «Бланко»; парламентских дебатов и дипломатических отношений с США и Великобританией; реформистской деятельности Х. Батлье-и-Ордоньеса и его сторонников, а также перехода по окончании войны к этапу неокOLONIALИЗМА, замены британской «неформальной империи» американской гегемонией. Значительное внимание уделяется искусным действиям администрации В. Вильсона и посла в Монтевидео Р.Э. Джеффри, которые использовали риторику панамериканизма, чтобы привлечь уругвайское правительство на свою сторону в борьбе против Тройственного союза, особенно Германии. Немалую роль в этом сыграли искус-

ственно нагнетаемые страхи по поводу «угрозы», исходившей от немецких поселений на приграничной территории Бразилии. Автор приводит данные о значительном росте экономики Уругвая в годы войны и послевоенный период, однако приходит к выводу, что опыт страны (как и других латиноамериканских государств-сателлитов) доказал, что национальное индустриальное развитие могло быть эффективным только в условиях ослабления или прекращения связей с метрополиями. Когда США и Британия оправались от послевоенного кризиса и восстановили торговлю и инвестиционные потоки, они вплотную занялись восстановлением своих позиций в Уругвае, втягиванием страны-сателлита во всемирную систему, удушением местной независимой промышленности. Итогом стал процесс «развития неразвитости», который привел в 30-е гг. к острейшему экономическому кризису, падению демократии, государственному перевороту и установлению диктатуры Г. Терры.

Ключевые слова: Уругвай, Первая мировая война, США, Великобритания, Германия, панамериканизм, Х. Батлье-и-Ордоньес, Б. Брум, Ф. Виера.

Abstract: In the historiography of the First World War and the participation of Latin American countries in it, Uruguay does not occupy the place compared to Argentina, Brazil and Chile. Nevertheless, the problems analyzed in the article are of great interest: the transition from neutrality to entering into conflict on the side of the Entente; conflicts between "unionophiles", "germanophiles and supporters of neutrality in the two main political parties of the country "Colorado" and "Blanco"; parliamentary debates and diplomatic relations with the United States and Great Britain; reformist activities of J. Batlle-y-Ordóñez and his supporters, as well as the transition during the post-war period to the stage of neocolonialism, the replacement of the British «informal empire» by the American hegemony. Considerable attention is paid to the skillful actions of the administration of W. Wilson and the Ambassador to Montevideo, R.E. Jeffrey, who used the rhetoric of pan-Americanism to attract the Uruguayan government to their side in the fight against the Triple Alliance, espe-

cially Germany. Artificially fueled fears about the "threat" emanating from German settlements on the Brazilian border played a significant role in this. The author provides data on the considerable growth of the Uruguayan economy during the war and the post-war period, but concludes that the country's experience (as well as other Latin American satellite states) proved that national industrial development could be effective only in the conditions of weakening or termination of ties with the metropolises. When the United States and Britain recovered from the post-war crisis and restored trade and investment flows, they came close to restoring their positions in Uruguay, dragging the satellite country into the global system, and strangling local independent industry. The result was the process of «the development of underdevelopment», which led in the 1930s to an acute economic crisis, the fall of democracy, a coup d'etat and the establishment of the dictatorship of G. Terra.

Keywords: Uruguay, World War I, USA, Great Britain, Germany, Pan-Americanism, J. Batlle-y-Ordóñez, B. Brum, F. Viera.

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-28-57

Дата публикации: 29.11.2024

Дата получения: 12.09.2024

Ссылка для цитирования:

Иванов Н.С. Уругвай в годы Первой мировой войны // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 44. С.28-57. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-28-57

В работах российских историков (прежде всего А.И. Строганова, Е.Д. Строгановой, Б.И Ковалья, К.А. Хачатурова, И.И. Янчука) уделялось внимание позициям латиноамериканских стран в годы Первой мировой войны, а также ее последствиям для их экономического, политического и культурного развития¹. Оценивая итоги крупнейшего военного конфликта начала XX в.,

¹ Строганов, 2008; Строганова, 2019; Коваль, 1981; Хачатуров, 1983; Янчук, 1975.

Е.Д. Строганова в своем последнем труде отмечала не только его «ужасающий характер», но и то мощное воздействие, которое он оказал на все регионы мира, и без которого не могут быть объяснены важнейшие феномены и проблемы современной эпохи².

Работа была полемически направлена против тех историков, которые недооценивают сложность ситуации в Латинской Америке, считая, что мировая война практически не оказала влияния на континент, «относящийся к периферии мира, где господствуют европейские и североамериканские центры»³. Тем не менее Е.Д. Строганова отмечала, что «даже если сравнить ситуацию в Аргентине и в Бразилии, которая, наряду с рядом государств Карибского бассейна, приняла непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, следует признать – общее положение, проблемы и реакция на них в обществе очень схожи, а участие в войне для них мера вынужденная и не столь серьезная. В основном оно состояло в продаже и доставке продовольственных продуктов обеим воюющим сторонам, что было даже выгодно, хотя и не безопасно»⁴. Подобное положение, считала она, было характерно не только для Аргентины, но и для других стран Латинской Америки, независимо от того, участвовали они в войне или нет.

В книге Е.Д. Строгановой раскрывается реакция политических кругов Аргентины и Бразилии на события «Великой войны», в том числе разделение общества на три фракции («союзофилов», «германофилов и сторонников нейтралитета»), прослеживается рост национального дохода, который строился на экспорте зерна и мясопродуктов и во многом зависел от «неформальной» Британской империи, процесс имущественного расслоения и классовых боев пролетариата, пороки олигархического капитализма, которые впоследствии привели к затяжному кризису экономики.

В данной статье дается анализ малоизученной темы – ситуа-

² Строганова, 2019. С. 32.

³ Compaon, 2013.

⁴ Строганова, 2019. С. 9.

ции, сложившейся в годы Первой мировой войны в Уругвае, которая имела ряд существенных отличий от «латиноамериканских гигантов».

Автор в целом согласен с выводами известных ученых, работавших в русле «теории зависимости» – Р. Пребиша, Т. Дус-Сантуса, Р. Марини, А. Агиляра и А.Г. Франка, связывавших латиноамериканские проблемы с новым этапом развития монополистического капитализма, наступившим в ходе Первой мировой войны⁵. Практически все ведущие историки и экономисты отмечают огромный вклад, который внес в разработку этой проблематики В.И. Ленин в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», изданной в 1916 г. На основе обширного материала он показал переход капитализма к высшей стадии – созданию монополий и глобальному финансовому паразитизму: «Капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения страны) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят – простой «стрижкой купонов» – весь мир»⁶.

Начиная с Первой мировой войной мировая капиталистическая система вступила в новый, неокOLONиальный этап своего развития. Для Латинской Америки, как и других регионов «третьего мира» это было связано с переносом центра метрополии из Европы в Соединенные Штаты, а также с трансформацией промышленного капитализма в финансовый и монополистический капитализм.

В США (а затем и в других развитых европейских странах) промышленные компании сменялись гигантскими международными финансово-монополистическими корпорациями, которые стали не только многопрофильными производителями стандартизированной продукции, новых технологий, основанных на конвейерной массовой сборке, но также и закупщиками сырья по всему миру, продавцами готовой продукции, банкирами, финансистами, а зачастую фактическими правительства-

⁵ Prebisch, 1950; Dos Santos, 1968; Marini, 2007; Aguilar Monteverde, 1970; Gunder Frank, 1969.

⁶ Ленин, 1969. С. 307–308.

ми во многих странах-сателлитах и крупных мегаполисах.

Частным случаем логического развития этой тенденции стало создание корпоративного государства в фашистских и полуфашистских странах. А после мировых войн данная тенденция воплотилась в идеях «глобального фашизма» с центром в США и опорой на мощный военно-промышленный комплекс. Отвечая на новые потребности транснациональных монополистических корпораций, неоимпериалистическое развитие двадцатого века породило новые инструменты «локальных войн», государственных переворотов, иностранных инвестиций и финансирования; и это превратило ТНК фактически в главных субъектов не только торговых, но и в целом международных отношений, благодаря которым монопольное капиталистическое развитие в метрополии поддерживалось ценой еще более глубокой отсталости в Латинской Америке и других регионах «третьего мира».

К началу Первой мировой войны президентом Уругвая был Хосе Батлье-и-Ордоньес (1856–1929), который оказался самым мудрым и дальновидным представителем уругвайского правящего класса, намного опередившим в своем реформистском новаторстве не только латиноамериканских, но зачастую и европейских либеральных политиков. Он по праву считается одним из выдающихся политических деятелей Латинской Америки XX века. Во время своего двукратного пребывания на посту президента Уругвая (1903–1907 и 1911–1915 гг.) Батлье смог осуществить целую серию либеральных реформ, благодаря которым страна вышла из беспрерывной череды кризисов и кровавых «революций» предшествующего века и превратилась в «первое государство всеобщего благосостояния на территории Латинской Америки», как восторженно писали об Уругвае многие исследователи⁷.

Вклад Батлье в экономическую и политическую жизнь Уругвая в XX в. был настолько весом, что выглядит не слишком большим преувеличением оценка, данная ему известным американским исследователем Р. Фитцгиббоном. «Ни Наполе-

⁷ Pendle, 1952.

он, ни Гитлер, ни Ататюрк, ни Ганди, - считает этот историк, - не смогли оказать такого мощного и всеобъемлющего воздействия на свои страны, как Батлье-и-Ордоньес на горячо любимый им Уругвай»⁸.

Им был внесен значительный вклад в установление и упрочение в Уругвае парламентской демократии, которая продержалась в стране вплоть до военного переворота 1973 г. Кроме того, антиимпериалистическая направленность его реформистского курса, усилия по модернизации страны и всемерному развитию социального законодательства и социального обеспечения снискали ему славу одного из первопроходцев идеологии национал-реформизма, завоевавшей популярность не только в Латинской Америке, но и в освободившихся после Второй мировой войны из-под колониального гнета странах Азии и Африки⁹.

Во время первого президентского срока Батлье большую известность снискали его мирные инициативы. В 1907 г. он возглавил делегацию Уругвая на Второй Гаагской конференции, и его предложения по поддержанию мира заслужили высокую оценку большинства участников. Некоторые из мер, выдвинутых уругвайской делегацией, нашли отражение в итоговых документах конференции. В частности, был введен запрет на использование химического оружия, который действует в международном праве до сих пор¹⁰.

Большинство историков сходятся во мнении, что в своем реформаторском рвении Батлье боролся за интересы «среднего класса» и что к окончанию его второго президентского срока, т.е. в 1915 г., в стране прочно закрепились политические позиции средних слоев населения¹¹. В целом пафос батльистских реформ был направлен на «гуманизацию капитализма», как об этом писал один из его известных биографов, М. Вангер¹².

В условиях развертывания профсоюзного движения, созда-

⁸ Firzibbon, 1954. P.42.

⁹ Panizza, 1990; Conci, 1957; Finch, 1981.

¹⁰ Peace, 1910. P.14.

¹¹ Johnson, 1958. P. 45.

¹² Vanger, 2009.

ния левых рабочих партий главной задачей Батлье было сохранение социального равновесия в обществе. В отличие от большинства тогдашних олигархов, полагавшихся на средства политического насилия, Батлье считал возможным установление относительной «социальной гармонии»¹³ и, благодаря «благожелательному нейтралитету» президента, рабочие добились реализации многих из своих требований¹⁴. Правительство ввело пакет законов, невиданных доселе в Латинской Америке, установив минимальный уровень заработной платы, один обязательный выходной день в неделю, 8-часовой рабочий день для отдельных категорий работников, компенсации по несчастным случаям на производстве и пенсии по старости, а также предоставив рабочим реальную защиту от несправедливостей в отношениях с работодателями.

Данная позиция отвечала идеологии тех деятелей из политической элиты страны, которые верили в «экономический национализм» и «разумную» социальную справедливость. Для защиты национальной промышленности были установлены «мягкие» протекционистские меры.

На фоне невысокой поначалу массовой поддержки и противодействия со стороны значительной части «верхов» общества успехи политики Батлье в создании «образцового государства» выдают в нем выдающегося политика, сумевшего добиться максимума возможного в существовавших условиях. Его влияние сохранялось в Уругвае в течение всего XX века. Деятели партии «Колорадо» неизменно подчеркивали преемственность их политики от великого уругвайского реформатора.

Батлье предпринял энергичные усилия по многоплановому и многостороннему вмешательству государства в экономическую жизнь страны. Государство стало выполнять регулирующие функции в экономике, заняло ключевые позиции в отдельных отраслях, создавая госпредприятия, и поставило перед собой цель сократить влияние иностранных монополий на экономическую жизнь страны.

¹³ Alexander, 2005. P. 20.

¹⁴ Pintos, 1938. P. 85.

В годы Первой мировой войны успех этих реформ обеспечивался во многом за счет роста денежных поступлений от экспорта мяса, улучшения условий труда, а также успешной деятельности госпредприятий. Именно благодаря этим факторам, которые действовали параллельно и одновременно, сложился феномен «уругвайского экономического чуда», прочно закрепившего в массовом сознании неразрывную взаимосвязь между экономическим процветанием и вмешательством государства в «свободную игру рыночных сил».

Экономические достижения Уругвая привели к бурному притоку иммигрантов из Европы, охваченной войной и кризисами. Перед началом войны Великобритания играла доминирующую роль в экономике и политике страны. Уругвай являлся одним из главных поставщиков шерсти для текстильной промышленности Англии. Кроме того, англичане высоко ценили говядину, импортируемую из этой страны. Пастбищное животноводство, развивавшееся с колониальных времен, получило новый мощный импульс с конца XIX века. Для того чтобы быстро доставлять крупный рогатый скот в порт Монтевидео была создана разветвленная сеть железных дорог, строительство которых взяли на себя британские инвесторы.

В итоге крупнейшие сектора экономики попали под контроль английских банкиров и финансистов. Однобокое развитие хозяйства привело к тому, что процветание страны зависело от мировых цен на мясо и шерсть. Их резкие колебания приводили то к экономическому буму, то к падению в пучины кризисов¹⁵.

Пользуясь своим монопольным положением на рынке, британцы (а затем и компании из США) установили непомерные «ножницы цен», навязывая минимальные закупочные расценки на сырье и взвинчивая стоимость своей промышленной продукции.

Кредиты и займы, полученные в лондонском Сити, использовались не только для развития экспортных отраслей экономики и строительства железных дорог. Они позволяли коррумпировать

¹⁵ Nahum, 2003. P. 55.

рованным англофилам в среде чиновников оплачивать имитацию роскошного «британского образа жизни», красть деньги из казны для своего личного обогащения и строительства вилл в Европе, обучения своих отпрысков в престижных университетах Англии и США, а также сохранения своего влияния в экономике и политике страны.

К началу войны дряхлеющий британский лев стал все чаще уступать позиции молодым хищникам из США. На этих межимпериалистических противоречиях и строил свою политику национал-реформизма президент Батлье. Его успеху в значительной степени содействовало то, что главные империалистические державы ввязались в Первую мировую войну, и в целом им было не до локальных событий в далекой латиноамериканской стране.

Батлье критически относился к деятельности иностранцев в сфере услуг и промышленности и был уверен в способности государства успешно заменить в этих отраслях англичан. В своей экономической политике он стал пионером в использовании государства для поощрения диверсификации национальной экономики и развития промышленности. Президент понимал, что единственным источником для развития экономики и укрепления позиций страны может быть только государство. И его примеру последовали в годы Великой депрессии не только страны Латинской Америки. Некоторые исследователи полагают даже, что этот опыт использовал президент США Ф. Рузвельт в разработке своего «Нового курса»¹⁶.

В годы Первой мировой войны в Уругвае была развернута кампания против британского доминирования на местном рынке, что усилило позиции национальной буржуазии (хотя в то же время объективно способствовало укреплению позиций североамериканского капитала). Однако пространство для маневра между интересами ведущих держав мира было ограниченным, учитывая те колоссальные возможности, которыми обладали в Уругвае западные предприниматели и банкиры для сворачивания опасного для них курса «экономического национализма»

¹⁶ Patel, 2016. P. 318.

батльистов. Попытки «игры», направленной на сталкивание интересов империалистических держав, имели свои четкие границы и «красные линии», и в случае угрозы всей сложившейся системе сразу же забывались все расхождения, и империалисты были готовы действовать сообща. Соперничество между американским и британским капиталом на уругвайском рынке было недолгим и завершилось с образованием так называемого «пула». Был создан совместный орган, призванный регулировать всю деятельность внутри главной отрасли хозяйства Уругвая – мясоперерабатывающей промышленности, включая установление экспортных квот с целью предотвращения потерь в ходе конкурентной борьбы¹⁷. Отбрасывание в сторону пропагандистской либеральной шелухи о «неограниченной свободе рынка» и жесткое навязывание своих «новых правил» никогда не смущало империалистов.

В своих попытках использования противоречий между неокOLONIALИСТАМИ Батлье разработал основы «новой многосторонней внешней политики», которые впоследствии были развиты его последователями из партии «Колорадо». Эта политика включала не только систему двухсторонних отношений, но и активное участие в международных форумах на мировом и континентальном уровне¹⁸. Наиболее влиятельными деятелями в разработке этой политики были батльисты Б. Брум (министр иностранных дел Уругвая в 1914–1915, затем в 1916–1919 гг., и президент страны в 1919–1923 гг.), а также министр иностранных дел в правительстве Брума, Х. А. Буэро. Во время правления батльистов были заключены соглашения с Францией и Англией, мирный договор с Соединенными Штатами (арбитражный договор, подписанный 20 июня 1914 г.) и арбитражные договоры с некоторыми латиноамериканскими странами¹⁹.

Параллельно с поиском путей обеспечения национальной безопасности Уругвая в рамках «многосторонности», Батлье и его соратники развивали с начала Первой мировой войны «ма-

¹⁷ Pintos, 1938. P.108-109.

¹⁸ González, 1959.

¹⁹ Brum, 1915.

ятниковую дипломатию», лавируя между Аргентиной и Бразилией, и дополняя ее подобными шагами в более широком международном контексте. Чтобы противостоять доминирующему влиянию Великобритании, была выдвинута идея сближения с Соединенными Штатами, которая включала создание возможностей для привлечения крупных займов и инвестиций. Однако в структуре внешней торговли страны по-прежнему преобладала зависимость от британского рынка.

Внешнюю политику Уругвая в годы Первой мировой войны можно разбить на три этапа: первый – период нейтралитета (1914–1917 гг.), затем, вступление в конфликт после объявления войны Германией Соединенными Штатами (1917–1918 гг.) и последствия войны, включая итоги Версальской конференции 1919 г. и урегулирование вопросов, связанных с арендой немецких кораблей, захваченных Уругваем в 1917 г.

Батльисты, стоявшие у власти в течение всего периода войны (сам Батлье, президент Ф. Виера, министр иностранных дел Брум) быстро поняли, что конфликт коренным образом изменяет баланс сил в мире. Учитывая рост могущества США, а также угрозы, исходившие от немецких колоний в Бразилии, они стали рассматривать Соединенные Штаты как наиболее очевидного гаранта независимости и стабильности Уругвая. Эту точку зрения всячески поощряли и укрепляли президент В. Вильсон и американский посол в Монтевидео Р.Э. Джеффри. На первом этапе Вашингтон вполне устраивали символические жесты солидарности уругвайцев, их заверения в приверженности принципам панамериканизма²⁰.

С 1914 по 1917 гг. Уругвай (по примеру США) придерживался нейтралитета. Вильсон объявил о нем 4 августа, сославшись в качестве прецедентов на «изоляционизм» США в XIX в. по отношению к европейским делам, их позицию, занятую во время Франко-прусской войны 1870 г., аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., других конфликтов в Старом Свете. Через десять дней, 14 августа 1914 г. Уругвай также объявил о своем нейтралитете. Обе страны подтверждали

²⁰ Vanger, 1980. P. 206, 323.

свою позицию в течение 1914–1915 гг. по мере вступления в войну новых государств.

Нейтралитет Уругвая во многом был связан с экономическими причинами. С начала XX в. Германия являлась одним из его важнейших торговых партнеров (наряду с Соединенными Штатами, Францией и Италией), хотя все эти страны значительно отставали от Великобритании. В годы, предшествовавшие войне, Германия обошла США в структуре уругвайского импорта и экспорта. Характер торговли с немцами также имел значение для осторожной позиции в отношении этой страны: Уругвай закупал у Германии большую часть своего вооружения. Так, например, в 1909 г. уругвайское правительство закупило три тысячи винтовок «Маузер» и три млн. патронов от немецких производителей²¹.

Помимо того, были и другие причины для сохранения нейтралитета. Во-первых, с начала XX в. усилился приток иммигрантов из Германии и Австрии. Хотя в рамках «плана колонизации» Батлье (заселения малолюдных внутренних районов страны) на первом месте среди иммигрантов стояли итальянцы и испанцы, однако тысячи переселенцев прибыли из Германии и Австрии. Батльисты полагали, что не ассимилированные и связанные с германскими предпринимателями и посольством в Монтевидео эмигранты способны при определенных условиях стать подрывным элементом во внутренней политике страны²².

Вторым фактором стали немецкие колонии на юге Бразилии, представлявшие по мнению батльистов потенциальную угрозу безопасности Уругвая. Начиная с 1824 г. бразильский император Педру I выступал за заселение южных границ своей империи немцами, рассматривая их в качестве буфера между внутренними районами Бразилии и испаноязычным населением Уругвая и Аргентины. Ослабление религиозных ограничений после 1889 г. стимулировало новую мощную волну немецкой иммиграции.

По оценкам экспертов к началу войны в Бразилии прожива-

²¹ El Día, 16.02.1909.

²² Luebke, 1990. P. 87.

ло около 400 000 человек немецкого происхождения, в основном вдоль уругвайской границы. Они называли себя «бразильскими тевтонцами» и селились в основном в трех южных штатах Бразилии (Риу-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарина и Парана). Из-за своей изоляции и компактных условий проживания они были «проникнуты сильным чувством групповой идентичности и отличия от других бразильцев». Приверженность лютеранству, общий язык, создание немецких школ способствовали созданию сообщества, в значительной степени независимого от доминировавшей в других регионах бразильской культуры²³.

Уругвайских политиков беспокоило присутствие такого большого и сплоченного анклава немцев вдоль их северной границы, которые, к тому же, прибыли в Южную Америку недавно и довольно часто идентифицировали себя как подданных кайзера. Эти опасения усилились в результате распространения там обширной пропагандистской литературы, призывавшей немецкие общины в Латинской Америке присоединиться к пангерманскому движению. В начале XX в. ультранационалистическая Пангерманская лига (Alldeutscher Verband) выпускала в Германии и распространяла по всему миру литературу, в которой превозносились идеалы «единого всемирного тевтонского сообщества», выдвигались претензии на мировое господство²⁴.

С началом войны пропагандисты из стран Антанты использовали эти факты в свою пользу и стали повсеместно нагнетать страхи по поводу «территориального экспансионизма, алчности и безнравственности ужасных гуннов». Например, в книге «Пангерманский заговор» француз А. Шерадам утверждал, что Берлин намеренно насадил колонии по всему миру, которые по приказу кайзера восстанут и поддержат германскую империю. Он недвусмысленно указал на многочисленное немецкое население на юге Бразилии, которое призвано участвовать в «немецком завоевании мира». Утверждалось, что эти колонисты были не только «абсолютными хозяевами» южной Бразилии, но и «верными вассалами Вильгельма II». Стрелковые

²³ Luebke, 1990. P. 10–13; Mitchell, 1999. P. 108.

²⁴ Luebke, 1990. P. 34–35, 72–73.

клубы, созданные этими бразильскими немцами, писал Шерадам, «на самом деле были базами военной подготовки»²⁵.

Недавние исследования во многом развенчали эти застарелые пропагандистские штампы и продемонстрировали, что немецкие колонии в Бразилии не угрожали «захватом континента». Так, профессор Университета Северной Каролины Н. Митчелл на основе многочисленных источников показала, что Берлин не оказывал значимой финансовой и военной поддержки бразильским немцам и не собирался использовать колонию в качестве плацдарма для экспансии в Северной и Южной Америке. Сами же эмигранты в преобладающем большинстве оказались верны присяге на верность, которую они дали своей новой родине. Более того, при всей пропагандистской шумихе в прессе по поводу «гуннов» и «тевтонцев», Белый дом и Госдепартамент определенно знали, что Берлин гораздо больше озабочен европейскими делами, чем мифическими планами захвата Америки. Однако они сознательно нагнетали страх у латиноамериканцев (прежде всего уругвайцев) в качестве мощного инструмента воздействия на власти и общественное мнение²⁶.

Правительство Уругвая самым серьезным образом отнеслось к германской угрозе. По мнению Хосе Батлье-и-Ордоньеса, «кайзеризм» (распространенный термин, используемый в уругвайской периодике для обозначения германского экспансионизма) мог угрожать независимости Уругвая в не меньшей степени, чем немецкие подводные лодки, которые стремились подорвать его экономические связи с внешним миром.

В июле 1915 г. в батльистской газете «El Día» была опубликована карта, взятая «из одной из немецких книг, изданных в 1911 г.», демонстрировавшая планы янки, англичан и немцев по разделу Южной Америки к 1950 г. В сопроводительном тексте объяснялось, что янки намерены господствовать на территории от Венесуэлы и Колумбии к северу, британцы – к югу, вплоть до центральной Боливии, а Германия – в южных районах Боливии, Перу и Бразилии, а также на всей территории Чили, Арген-

²⁵ Chéradame, 1916. P. 197.

²⁶ Mitchell, 1999. P. 108, 123, 159.

тины, Парагвая и Уругвая. О «ненасытных аппетитах немцев» стали писать многие уругвайские авторы²⁷. В СМИ появились подробные выписки из книги О.Р. Танненберга «Великая Германия» (1911), в которой указывалось, что немцы «прекрасно подготовлены к ведению тотальной войны с целью установления мирового господства»²⁸.

С учетом «германской угрозы» (раздутой до фантастических размеров англичанами и американцами), Батлье и его сторонники не торопились вступать в войну и всеми силами поддерживали состояние нейтралитета, чтобы защитить суверенитет и безопасность Уругвая. В то же время они взяли курс на всемерное сближение с США, считая американцев гарантами стабильности в Южном полушарии.

Со своей стороны администрация Вильсона умело использовала риторику панамериканизма в масштабах полушария, чтобы привлечь Латинскую Америку на свою сторону в качестве оплота против Тройственного союза, особенно Германии. Как отмечал историк Дж. Тульчин, «Соединенные Штаты [...] сделали все возможное, чтобы страны Латинской Америки либо последовали их примеру, либо, по крайней мере, оставались нейтральными и не оказывали никакой помощи врагам»²⁹.

Исходя из «континентальной солидарности», «панамериканизма» и «прав нейтральных стран» уругвайские власти рассматривали тесные отношения с Соединенными Штатами как надежный щит для предотвращения иностранного вторжения, — особенно после того, как президент Вильсон выдвинул аргументы, которые нашли благожелательный отклик в Уругвае: самоопределение и равные права малых государств, обеспечение коллективной безопасности и др.

Поскольку вашингтонская риторика подчеркивала равенство всех государств, независимо от размера, она привлекала батльистов как представителей самой маленькой независимой нации на континенте. И, самое главное, США стали доминировать в

²⁷ El Día, 24.07.1915; 17.11.1916.

²⁸ Tannenberg, 1911.

²⁹ Tulchin, 1971. P. 20.

экономике Уругвая. Поскольку война ослабила экономическую хватку Великобритании, Соединенные Штаты оперативно воспользовались этим вакуумом. Ежегодный объем американо-уругвайской торговли за время войны утроился, и к концу боевых действий США заменили Великобританию в качестве основного источника импорта Уругвая.

Таким образом панамериканизм стал «идеологическим тараном», который не только отвратил Уругвай от Центральных держав, но и способствовал вытеснению со своих позиций британского империализма. Известный американский исследователь М. Гилдерхус отмечал, что «Вашингтонские политики всячески культивировали доктрину панамериканской солидарности [...] чтобы после окончания войны предотвратить восстановление крупномасштабного европейского (прежде всего британского) присутствия в Латинской Америке – и эта политика имела значительный успех»³⁰, Война, пишут Э. Розенберг и У. Сейтон, представила Соединенным Штатам идеальную возможность для того, чтобы вытеснить Великобританию в качестве доминирующей внешнеэкономической державы в Латинской Америке, особенно в регионе Ла-Платы, последнем бастионе британской «неформальной империи»³¹.

Пришедшая к власти в Уругвае в 1915 г. администрация Ф. Виеры придерживалась строгого нейтралитета. Она отказала немцам в планах создания беспроводного телеграфа от Ла-Платы до Магелланова пролива, мотивируя это возможностью применения в военных целях. Отказ встретило и предложение Англии и Франции продать им часть вооружений из уругвайских arsenалов³². В то же время всячески подчеркивалась солидарность с США. В сентябре 1915 г. Виера встретился с послом США Джеффри и заявил, что «симпатии уругвайского народа вызывали не столько богатство и материальная мощь американского народа, сколько отстаивание высших демократических и гуманитарных идеалов, за которые выступали Соединенные

³⁰ Gilderhus, 1986. P. 81.

³¹ Rosenberg, 1987; Sater, 1990. P. 85–91.

³² El Día, 12.06.1915.

Штаты»³³. В рамках празднования Дня независимости США, в июле 1916 г. Виера лично посетил американское посольство, чтобы выразить «восхищение американским народом и тем, как демократия воплощается в Соединенных Штатах и становится образцом для подражания во всем мире»³⁴.

Избрав в качестве своей путеводной звезды США, уругвайское правительство одобрило сохранение Вашингтоном нейтралитета после потопления немцами в мае 1915 г. «Лузитании». В заявлениях государственных деятелей Уругвая восхвалялась «сдержанность» США и верноподданнически признавалось, что «если Соединенные Штаты вступят в войну, то и все остальное полушарие поступит так же». Они писали, что «североамериканская нация осуществляет [...] блестящими и спокойными действиями своих политиков, особенно президента, эффективный контроль над любыми эксцессами, которые могут свергнуть страну в лихорадку войны»³⁵.

По мере продолжения боевых действий несколько событий подорвали нейтралитет США и Уругвая. В 1916 г. правительство Уругвая (вслед за Вашингтоном) объявило решительный протест против «подводной войны», развязанной Германией. В преддверии разрыва отношений между США и Германией Брум направил в Вашингтон послание с выражением солидарности с США. В 1917 г. Уругвай выбрал курс на союзнические отношения с Соединенными Штатами, который отстаивался в ряде документов, объединенных под названием «уругвайской доктрины». Уругвайский министр иностранных дел объяснил это необходимостью континентальной солидарности в случае нападения на одну из стран Америки³⁶.

Решение Германии возобновить неограниченную подводную войну в феврале 1917 г. привело к разрыву дипломатических отношений между Вашингтоном и Берлином и объявлению войны в апреле того же года. Казалось бы, для уругвайских

³³ El Día, 26.10.1915.

³⁴ El Día, 18.07.1916.

³⁵ El Día, 12.06.1915; 12.02.1916; 20.04.1916.

³⁶ Brum, 1923.

властей пришло время подтвердить свою приверженность союзническому долгу. Действительно, последовала декларация правительства Уругвая о солидарности с США. Брум признал «справедливость и благородство чувств, которые служили руководством для президента Вильсона в этой чрезвычайной ситуации»³⁷. Однако Уругвай продолжал сохранять нейтралитет!

Вопрос о присоединении к США в статусе воюющей державы стал предметом бурных дебатов между представителями двух основных партий «Колорадо» и «Бланко». Министерство иностранных дел Уругвая, пытаясь обосновать необходимость вступления в войну, объявило о новом смысле и прочтении американской «доктрины Монро» в контексте войны. Однако в противовес этой позиции Национальная партия («Бланко») отстаивала в парламенте политику нейтралитета. Ее наиболее видный представитель К. Роксло в своих статьях в журнале «La Democracia» настаивал на сохранении нейтралитета, исходя из внешнеполитической и внутренней ситуации, а также с учетом положения иммигрантов, проживающих в Уругвае. В качестве примера для подражания он предложил политику президента Аргентины И. Иригойена, который твердо придерживался статуса нейтралитета. Ему активно возражал Х.А. Буэро со страниц органа батльистов «La Razón»³⁸.

Сторонники партии «Колорадо» указывали на то, что северный сосед всего через пять дней после США объявил войну Германии. Бразилия использовала в качестве предлога потопление немецкой подводной лодкой грузового судна «Парана» у берегов северной Франции, (при этом были убиты три члена экипажа и потоплен ценный груз кофе). В ответ власти Рио-де-Жанейро конфисковали более пятидесяти немецких судов в бразильских портах³⁹.

Подобная провокация произошла 4 июня 1917 г. и в отношении Уругвая. Примерно в шестидесяти милях от французского побережья (неподалеку от г. Бордо) немецкая подводная лодка

³⁷ El Día, 13.07.1917.

³⁸ Herrera, 1988; Turcatti, 1981; Pérez, 2004.

³⁹ Luebke, 1999. P. 126–127.

потопила невооруженное судно «Росарио», зарегистрированное в Уругвае и перевозившее грузы между Нью-Йорком и Ла-Паллисом (Франция). Однако правительство Уругвая все еще колебалось в принятии решения о вступлении в войну, и даже прибытие в июле в порт Монтевидео из Рио-де-Жанейро американской эскадры под командованием адмирала У. Капертона (с целью «подбодрить» уругвайцев) не смогло сдвинуть их с позиции нейтралитета⁴⁰.

Для разрешения ситуации в пользу США Госдепу удалось добыть некие зашифрованные депеши, которые германский посол в Аргентине отправлял в Берлин. Британские специалисты, якобы, смогли взломать секретный код, и Вашингтон передал 10 сентября эти документы правительству Уругвая. В них описывались военные цели Германии в Латинской Америке: «поддержание открытого рынка на континенте и реорганизация южной Бразилии». Батльисты интерпретировали документы как подтверждение их худших опасений – немцы, очевидно, разработали планы использования германских поселений на приграничных с Уругваем территориях в Бразилии для установления своего господства над Южной Америкой.

Под впечатлением от полученной информации президент Виера 14 сентября дал указание о захвате восьми немецких кораблей, находившихся в порту Монтевидео. В течение нескольких недель ситуация с этими пакетботами находилась в подвешенном состоянии, так как с правовой точки зрения Уругвай продолжал формально находиться в состоянии нейтралитета. Наконец, после оказанного на правительство давления со стороны американского посла Джеффри 7 октября оно официально разорвало дипломатические отношения с Германией. 15 октября Брум издал указ, который положил конец внеблоковому статусу Уругвая и официально аннулировал все декларации о нейтралитете 1914 года⁴¹. Помимо того, страна вступила в так называемую «Лигу чести», которую В. Вильсон предложил создать в своей речи 2 апреля 1917 г. перед конгрессом США об

⁴⁰ Healy, 1976. P. 297.

⁴¹ El Día, 15.09.1917; 12.10.1917.

объявлении войны Германии.

В 1917 г. известный американский писатель и издатель К. С. Купер взял интервью у президента Ф. Виеры и в своем отчете расточал похвалы по поводу проамериканских взглядов уругвайского лидера, человека «рузвельтовской энергии и способностей» (имелся в виду Т. Рузвельт), а также желание всемерно развивать двухсторонние политические, дипломатические, экономические, культурные отношения (включая обучение уругвайских студентов в американских университетах). При этом президент подчеркнул, что сам отправил троих сыновей учиться в вузах США⁴².

Б. Брум, яркий оратор и идеолог батльизма, оставался главным дипломатом Уругвая с 1916 г. вплоть до своего избрания на пост президента в 1919 году. Он также поддерживал идеологию и политику панамериканизма, а также признавал ведущую роль Соединенных Штатов в этом движении, рассматривая Вашингтон в качестве противовеса британскому влиянию. Во время войны Брум старался обеспечить поддержку коммерческих, политических и военных интересов США со стороны правительства Уругвая⁴³. Искренне считая, что «панамериканизм подразумевает равенство всех суверенитетов, больших и малых», он рассматривал его как «проявление глубоких братских чувств со стороны США в их справедливом стремлении к материальному и моральному возвышению всех народов Америки». Будучи лидером маленькой страны, зажатой между двумя гигантами (Бразилией и Аргентиной), Брум довольно наивно верил, что США могли бы играть роль бескорыстного арбитра, защищавшего небольшие государства от их более сильных соседей⁴⁴.

Известно, что Вильсон сосредоточил большую часть своих усилий при проведении южноамериканской политики на «государствах ABC» – Аргентине, Бразилии и Чили, – лидеры которых со скептицизмом и недоверием относились к «крепким,

⁴² Cooper, 1918. P. 272, 276.

⁴³ Vanger, 1980. P. 222, 229; El Día, 1.07.1917.

⁴⁴ Brum, 1923. P. 14–17.

дружеским объятиям Северного колосса», рассматривая их в качестве традиционного пролога к экспансии и интервенции в их регионе. Но вожди партии «Колорадо» в Уругвае, которые никогда не были в центре внимания Вашингтона, с энтузиазмом восприняли эту благосклонность, что позволило установить дружественные отношения с Вашингтоном во время Первой мировой войны⁴⁵.

Для поддержания «боевого духа» уругвайцев в октябре в Монтевидео вновь была отправлена эскадра Капертона, которая пробыла там до начала ноября. Адмирал организовал банкет на борту флагманского корабля «Питтсбург» и пригласил на него президента Виеру, министра иностранных дел Брума, а также посетил редакцию газеты «El Día» и встретился там с Батлье-и-Ордоньесом⁴⁶.

Укрепление политических и коммерческих связей между США и Уругваем обеспечило администрации Вильсона эффективного союзника в латиноамериканском Южном конусе. Несмотря на то, что Бразилия была единственным южноамериканским государством, официально объявившим войну Центральным державам (из латиноамериканских стран в войне участвовали также Панама и Куба), другие страны континента, включая Боливию, Перу, Эквадор последовали примеру Уругвая и разорвали дипломатические отношения с Германией. Более того, на Версальской конференции 1919 г. конфискация немецких судов Виерой (а затем их передача в аренду Корпорации вспомогательного флота США) трактовалась американской делегацией как «акция, которую можно приравнять к военным действиям». В результате администрация Вильсона добилась участия Уругвая в Версальской конференции в числе победителей, позволив выставить свои претензии к Центральным державам и подписать итоговый документ конференции в качестве одной из стран-победительниц (правда на самом последнем месте)⁴⁷.

В послевоенные годы США, пользуясь падением экономики

⁴⁵ Gilderhus, 1986. P. x.

⁴⁶ El Día, 24.10.1917; 25.10.1917; 30.10.1917.

⁴⁷ U.S. Department, 1942. P. 356.

в Британии, стали захватывать все новые позиции в Уругвае, как и в целом в Латинской Америке. В 1926 г экспорт страны в денежном выражении достиг 94,8 млн. песо, а импорт (по официальной оценке) – 73,3 млн., таким образом положительное сальдо торгового баланса составило 21,5 млн. песо⁴⁸.

Однако за счет занижения цен при прохождении через таможенную (обычный и поныне способ уклонения от выплаты таможенных пошлин и сборов) реальная стоимость импорта составила около 95,3 млн. песо и таким образом, за благополучными официальными цифрами был скрыт дефицит торгового баланса. К нему добавлялись выплаты по страхованию и фрахту, которые уменьшали стоимость экспортной выручки, возврат Уругваем процентов по иностранным кредитам, а также прибыль, полученная в стране иностранными компаниями и благополучно «уплывшая» за рубеж. При внешнем благополучии в статистических данных скрывались «прорехи», сквозь которые исчезали огромные денежные резервы, которые могли бы впоследствии, в 30-е гг. смягчить удары мирового экономического кризиса.

После войны США прочно обосновались на первом месте в импорте Уругвая, навсегда вытеснив с этих позиций британскую «неформальную империю». Что касается экспорта, то здесь ситуация была иной – все ведущие позиции сохранялись за Британией и другими европейскими странами (что было вызвано нехваткой в них продовольствия в послевоенные годы).

В то же время начался переходный период к гегемонии США. Американцы активно вытесняли британский капитал, занимали доминирующие позиции в экономике. Самые крупные предприятия в главном для Уругвая секторе экономики – мясопереработке (мясохладобойни) принадлежали американцам. Большая часть сельскохозяйственных машин и оборудования закупалась в США и Канаде. В импорте стали и проката США также успешно вытеснили Англию и другие европейские страны, поставляя в Уругвай железнодорожные рельсы, балки для строительных работ и другие товары. В импорте автомобилей

⁴⁸ Nahum, 2003. P. 55.

80% приходилось на США. Американские компании «Форд» и «Дженерал моторз» построили первые в Уругвае сборочные заводы в Монтевидео. В 1924-1926гг. на улицах столицы курсировали 360 автобусов (омнибусов), 90% которых были завезены из США⁴⁹. Оттуда же начали импортировать первые в Уругвае трактора, механические плуги, сеялки и другое оборудование.

В те же годы расширила свою деятельность Уругвайская компания по производству портландцемента, которая являлась филиалом нью-йоркской «Международной цементной корпорации». Причем после создания в 1931 г. государственного предприятия ANCAP американцы не позволили уругвайскому госпредприятию стать монополистом в этой области, и два предприятия продолжали существовать одновременно.

Весь потребляемый в стране бензин, керосин и смазочные масла импортировались из США. Топочный мазут как для целей отопления, так и в качестве горючего для уругвайской государственной тепловой электростанции поступал отсюда же.

Очень важный для нужд хладокомбинатов жидкий аммиак полностью завозился из США. Местное государственное предприятие «Национальный институт химической промышленности» использовал завозные химикаты для производства сельскохозяйственных удобрений и бытовых нужд.

Большая часть лекарств и фармацевтических товаров также импортировалась из США, хотя в стране было построено 8 своих фармацевтических заводов.

Зависимое положение в экономике Уругвая создавалось за счет дисбалансов во внешней торговле, засилья иностранных предприятий, а также кредитных пут, которыми опутали страну «щедрые» североамериканские инвесторы.

Страна же все глубже погружалась в долговую кабалу. Государственный долг Уругвая, который в 1860 г. составлял 2,8 млн. песо, в 1914 г. возрос до 141 млн., а на 1 января 1926 г. достиг 221,5 млн. песо (Стоимость указана, исходя из эквивалента золотого песо, который был по номиналу чуть ниже американ-

⁴⁹ Nahum, 2003. P.15.

ского доллара)⁵⁰.

Британский капитал продолжал доминировать в животноводстве, сфере коммунального хозяйства и инфраструктуре, имея в своем распоряжении железные дороги, городской транспорт, газификацию, водоснабжение, телефонную и телеграфную связь. Значительную роль продолжали играть английские банки и крупные коммерческие фирмы, страховые компании и кредитные организации. В руках британских инвесторов по-прежнему находились важнейшие рычаги национальной экономики.

Представители могущественных английских компаний были тесно связаны с местными латифундистами и крупными скотоводами и для поддержания своего господства искусственно тормозили полноценное развитие производительных сил страны. Они поощряли лишь необходимые для них сырьевые отрасли и всеми силами подавляли ростки местной индустрии, что обрекало Уругвай на роль вечного поставщика сырья и потребителя ввозимой извне промышленной продукции. Безусловно, не было случайностью, что создание сети железных дорог было нацелено не на обеспечение нормальной транспортировки товаров для всестороннего развития национальной экономики, а только на связь скотоводческих районов с Монтевидео – основным центром переработки продуктов животноводства и главным портом для их вывоза.

Помимо того, большая часть кораблей, швартовавшихся в порту Монтевидео, принадлежала англичанам. В 1926 г. туда зашло 817 британских судов, общим тоннажем 3,7 млн. т. На втором месте была Франция (221 корабль), затем Италия (208), Германия (183), США (165) и Греция (72)⁵¹.

В руках британцев также находилось прибрежное судоходство – в основном между Монтевидео и Буэнос-Айресом. По каботажным маршрутам шла оживленная торговля промышленными товарами, солью, кожами, шерстью, автомобилями, картофелем, мукой, вяленой говядиной. Те же товары перево-

⁵⁰ Robertson, 1927. P. 6

⁵¹ Report, 1927. P.22.

зились по морю в Бразилию, а оттуда в обратную сторону шли поставки леса, пиломатериалов, кофе, риса, табака, сахара и бананов. Помимо транспорта англичане проявляли активность и в области связи.

В целом экономические успехи, достигнутые Уругваем в 20-е г., рассматривались современниками как личная заслуга Батлье и батльистов, хотя они стали во многом следствием благоприятной мировой конъюнктуры, в частности роста цен и спроса на мясо, мясные продукты и шерсть в Европе, находившейся в состоянии разрухи и кризиса после Первой мировой войны.

Однако отсталость и косность аграрного сектора стали той ахиллесовой пятой, из-за которой страна оказалась не готовой как к мировому экономическому кризису 1930-х гг., так и к последующим переменам в мировой экономике.

Таким образом Первая мировая война дала экономике Уругвая передышку от внешней торговли и финансов, а также от других связей с метрополией. Уругвайцы обеспечили собственное промышленное развитие, главным образом для внутреннего рынка потребительских товаров и провели ряд удачных экспериментов в импортозамещении и национал-реформизме. Но не успела закончиться война, как господствующие позиции вновь стала захватывать промышленность метрополий, теперь все больше базировавшаяся в Соединенных Штатах. При поддержке своей финансовой, технологической и политической мощи, гигантские американские (и частично британские корпорации) вытеснили и заменили местную промышленность. Уругвайское правительство смогло преодолеть последовавшие кризисы платежного баланса только за счет иностранных займов, которые были получены с условием создания максимально благоприятных возможностей для проникновения западных корпораций в местную экономику.

Послевоенный опыт Уругвая (как и других латиноамериканских стран-сателлитов) показал, что национальное индустриальное развитие могло быть эффективным только в условиях ослабления или прекращения связей с метрополиями. Когда США и Британия оправились от кризиса и восстановили тор-

говлю и инвестиционные потоки, они вплотную занялись восстановлением своих позиций, втягиванием страны-сателлита во всемирную систему, удушением местной независимой промышленности. Итогом стал процесс «развития неразвитости», который привел Уругвай в 30-е гг. к острейшему экономическому кризису, падению демократии, государственному перевороту и установлению диктатуры Г. Терры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aguilar Monteverde A.* Problemas estructurales del subdesarrollo. México: Universidad nacional autónoma de México, 1971.
- Alexander R.J., Parker E.M.* A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. Westport, London: Praeger, 2005.
- Brum B.* La doctrina del arbitraje amplio. Montevideo: Ministerio de Relaciones Exteriores., 1915.
- Brum B.* La Paz en América. Montevideo: Maximina Garcia Editor, 1923.
- Chéradame A.* The Pangerman Plot Unmasked: Berlin's Formidable Peace Trap of the «Drawn War». N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1916.
- Compagnon O.* América Latina y la Gran Guerra. El adiós a Europa (Argentina y Brasil, 1914–1939). Buenos Aires: Crítica, 2013.
- Conci G., Guidici G., Guidici C.* Batlle y el batllismo. Montevideo: Editorial Ateneo, 1957.
- Cooper C.S.* Understanding South America. N.Y.: George H. Doran company, 1918.
- Dos Santos T.* El nuevo caracter de la dependencia. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1968.
- Finch H.* Political Economy of Uruguay: 1870–1970. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1981.
- Firzgibbon R.H.* Freedom and Reform in Latin America. New Brunswick: University of Notre Dame Press, 1954.
- Gilderhus M.* Pan-American Visions: Woodrow Wilson in the Western Hemisphere, 1913–1921. Tucson: University of Arizona Press, 1986.
- González Conzi E., Giúdice R.* Batlle y el batllismo. Montevideo,

- 1959.
- Gunder Frank A.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N.Y., L.: Duke University Press, 1969.
- Healy D.* Admiral William B. Caperton and United States Naval Diplomacy in South America, 1917–1919 / *Journal of Latin American Studies* (8), № 2, Nov. 1976.
- Herrera L. A. de.* El Uruguay internacional. Montevideo: Cruz del Sur, 1988.
- Johnson J.* Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford: Stanford University Press, 1958.
- Luebke F.* Germans in the New World: Essays in the History of Immigration. Urbana: University of Nebraska Press, 1990.
- Marini R.* América Latina, dependencia y globalización. Buenos Aires: CLACSO-Prometeo, 2007.
- Mitchell N.* The Danger of Dreams: German and American Imperialism in Latin America. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1999.
- Nahum B.* Uruguay – Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. Montevideo: Departamento de Publicaciones, 2003.
- Panizza F.* Uruguay: Batllismo y despues. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 1990.
- Patel K. K.* The New Deal: A Global History. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Peace Movement: The Federation of the World. N.Y.: World-federation league, 1910.
- Pendle G.* Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford: Royal Institute of International Affairs, 1952.
- Pérez Antón R.* Un siglo de política exterior / Nahum B., El Uruguay del Siglo XX. La Política. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2004.
- Pintos F.R.* Batlle y el proceso histórico del Uruguay. Montevideo: C. García & cía, 1938.
- Prebisch R.* The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. Economic Commission for Latin America. N.Y.: United Nations, 1950.
- Report on the Financial and Economic Conditions in Uruguay. Sep-

- tember, 1927. L.: Department of Overseas Trade, 1927.
- Robertson W.S.* History of Latin-American Nations. N.Y., L.: D. Appleton and Company, 1932.
- Rosenberg E.* World War I and the Growth of United States Pre- dominance in Latin America. N.Y.: Garland, 1987.
- Sater W.F.* Chile and the United States: Empires in Conflict. Athens: Georgia Press, 1990.
- Tannenberг O.R.* Gross Deutschland. Berlin: Bruno Volger Verlag, 1911.
- Tulchin J.* The Aftermath of War: World War I and U.S. Policy to- ward Latin America. N.Y.: New York University Press, 1971.
- Turcatti D.* El equilibrio difícil. La política internacional del batllis- mo. Montevideo: Prólogo Editorial, 1981.
- U.S. Department of State, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Paris Peace Conference, 1919 Peace Conference. Washington, D.C.: GPO, 1942.
- Vanger M.* José Batlle y Ordóñez, 1915–1917: “Humanizando el ca- pitalismo”. Uruguay y el Colegiado. Montevideo: Banda Orien- tal, 2009.
- Vanger M.* The Model Country: José Batlle y Ordoñez of Uruguay. Hanover (N.H.): Brandeis University Press, 1980.
- Коваль Б.И.* Латинская Америка: революция и современность. М.: Наука, 1981. Koval' B.I. Latinskaya Amerika: revolyuciya i sovremennost'. M.: Nauka, 1981. [Latin America: revolution and modernity]
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Издатель- ство политической литературы, 1969. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 27. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. [Complete Works]
- Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М.: Издатель- ство «Дрофа», 2008. Stroganov A.I. Latinskaya Amerika v XX veke. M.: Izdatel'stvo «Drofa», 2008. [Latin America in the XX century]
- Строганова Е.Д.* Влияние мировых войн XX века на латино- американской общество. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. Stroganova E.D. Vliyanie mirovyh vojn НКН века na lati- no-amerikanskoj obshchestvo. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2019.

[The impact of the world wars of the twentieth century on Latin American society]

Хачатуров К.А. Латинская Америка: идеология и внешняя политика. М.: «Международные отношения», 1983. Hachaturov K.A. Latinskaya Amerika: ideologiya i vneshnyaya politika. M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1983. [Latin America: ideology and foreign policy].

Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке. М.: «Наука», 1975. Yanchuk I.I. Politika SSHA v Latinskoj Amerike. M.: «Nauka», 1975. [U.S. Policy in Latin America]